

Новый Лирический Цикл вызван к
жизни гибелью Евгения Рухина.
Позволим себе небольшую рекламу.

“Минувших дней опальная чреда...”

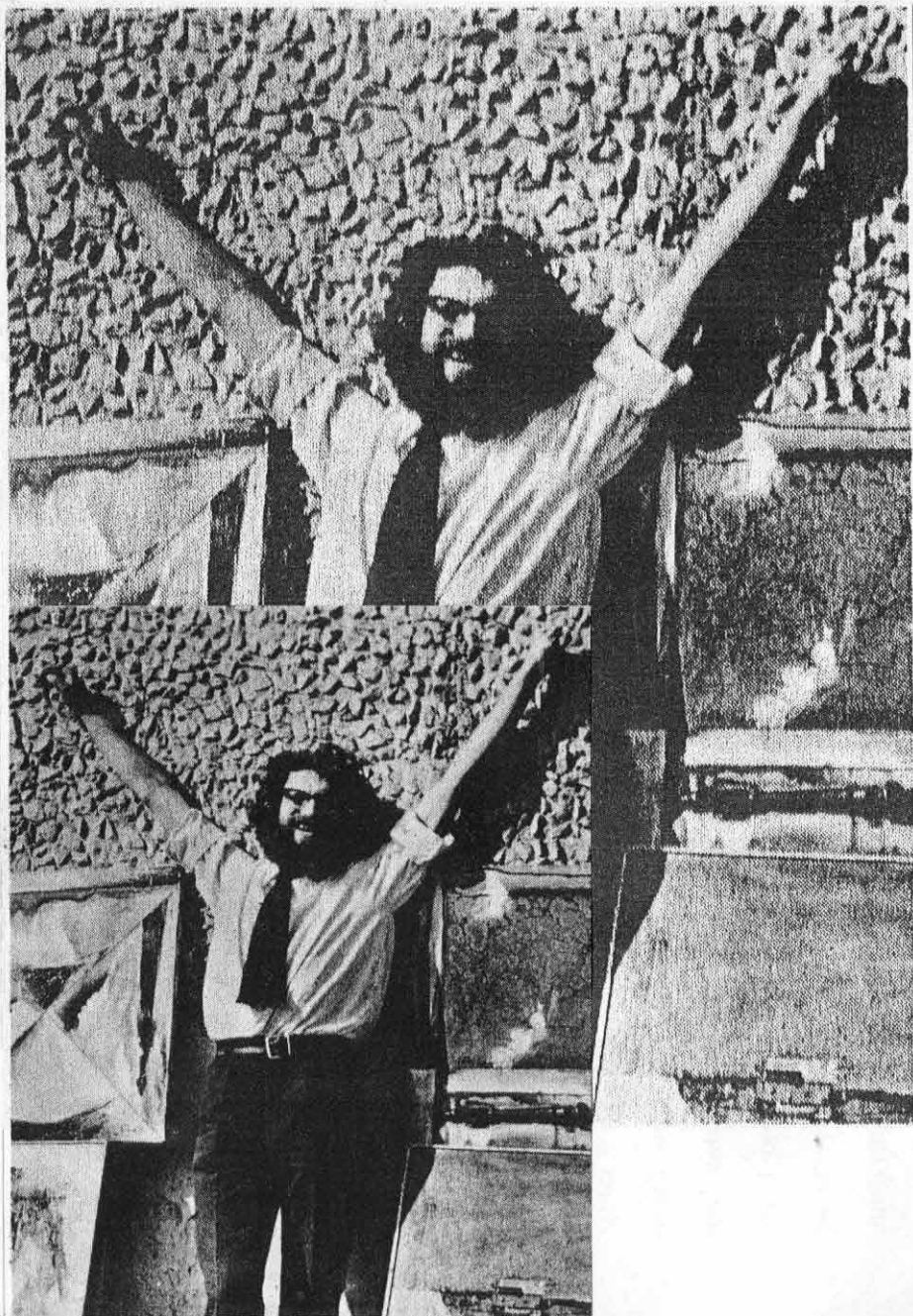

Серия: “Петербургские исторические записки”
В книге собраны мемуарные и искусствоведческие очерки о легендарном художнике ленинградского андеграунда Евгении Рухине. В воспоминаниях его друзей и коллег рисуется образ талантливого, влюбленного в жизнь человека, в котором ярко отразилась его эпоха. Анализ творчества Рухина выявляет его уникальное и значительное место в истории русского независимого искусства. Статьи дополняются стихами

Кари Унковой, входившей в круг друзей Рухина.
Минувших дней опальная чреда..., Евгений Рухин, Рухин и искусство андеграунда, О Рухине сегодня, Поп-арт в творчестве Евгения Рухина, Новый лирический цикл, Несколько слов о Рухине, Фрагменты воспоминаний, Мое знакомство с Женей Рухиным, О Жене Рухине по личным воспоминаниям и свидетельствам современников
Издательство: “Издательство имени Н. И. Новикова” (2005)
Формат: 60х90/16, 96 стр.

Купить за 251 руб
dic.academic.ru>book.nsf...Минувших дней опальная

НОВЫЙ ЛИРИЧЕСКИЙ ЦИКЛ

Памяти Евгения Рухина

*

Когда мечтаем мы
 Мечтаем вопреки
 Мечтаем рядом
 Все равно мечтаем
 Я думаю: Горит она Печаль
 И тяжкий пепел падает на плечи
 Гори гори высокая как сон
 Как ливень жги
 Бросай навечно губы
 Пожары труб залей заледенев
 Ни в бытность королевой, ни теперь
 Не отдала ни одного заклатья
 Разбойники на ржавые ключи
 Закрыты намертво грызут навечно цепи
 Зачем тебе?
 О встречах говори
 Раскрой скорей
 Они теперь вороны
 Шумя перьем там канули внизу
 Зачем тебе?
 Мети сырые клетки
 Вот перышко вот лапки вот зола
 В том зале свет которого немного
 Служанка подает, она садится
 Она встает, служанка уберет
 Она скрипит пером, она же спит
 У ней в ногах, и сны ее приветны
 Ей милый снится. Милый видит сон
 Их руки влюблены, тела отдельные
 И зыбкий свет проходит по стене

Когда взметет
Когда расплачет
Дождем
Тогда убитый ты
Со мною вспоминаешь детство
Невесту прежнюю. Ушел
Но как оставил вдов и дома
Ушел. Но ты уже знакомый
Со мною вместе строишь дом.
И там ты весел беспокойный
Но прозорливей может быть
И там ты мне поможешь плыть
Через повапленные томы
Наверно ты родился жить
Уже у матери быть может
Над розовеющим лицом
Ты забываешь этот дом
Огонь и дым тобой несомый
Стальных ступенек лязг и гром
Любимый припади к соску
Непентес пей. Глотай забвенья
Верни мое стихотворенье
Молочным крошечным виском

Невеста плечи разозлив
Себя выкидывает в ужин
Опять попала на причал
А думала навек не встречу
Виват младенческий язык
Нам наслажденье названий
Названий краткость
Мощь вещей
Нам довернувший до порога
Какая кротость. И печаль
Последних встреч неозаренность
Моя печальная склоненность
Твоя внимательная даль
Молчание вино и горе
Моление вина и вскоре
Разлуки сталь. Стена и сталь.

Дом полон мощи
Облак дым
Разверз крыла летит на крышу
Деревья рдеют
Слышу —
Купол
Огонь купание и свет
А выше ты
Огонь. Обет
Ты бросил камень в высоту
в мои протянутые ветки
Дорога.
Простынь полыхает
Белье торжественно гремит
Люблю.
Меня никто не знает
Мне мальчик здравствуй говорит
Невеста.
Сон ее спокоен
Просторен
Гости голосов
О сладкий клен
Скворешня
Мячик
Вот шар клубится у виска
Светлая медленно и бело
Осанна
Животворно тело
Как пес лядащий лижет труп
Так друг твой ничего не значит
Где мячик небо и пастух.

О красный крик
Просторный круг
Моих волос святая алость
Как много маленьких подруг
Как мало дерзости осталось
Не вместе мы считаем дни
Одна я дни свои читаю
Я на заре с востока, с краю
Вот только руку протяни
Клади. Душе моей не больно
Засыпь камнями. Все. Довольно
Теперь хоть издали взгляни.
Курганы повернут луну
Ты приступаешь к новоселью
Я - к тризне. Мрачному веселью
Я помяну меня одну.

Клад вдовушки
Ау, скворешник леса
Кидает друг -
Другой заледенит

Напрасны дуги
Мертвенного света
Когда печаль на сердце медлит медлит

Дуга сосны
Над морем длит стрелу
Две истины
Напряжены и спорят

Стоит игла и время нить не шьет
Моря не бьют волной
Замедлен облак
Отчаянье не горе а беда
Окрестности обугливает вечер
На черном дне соломинка

Верблюд
Раскинул драгоценные копыта
Не пьет не ест
В проломленной спине
Струится червь
Струна ее пробита

Осеннее предместье. Сестрорецк.

Когда красавица
Померкнет и уста
Облепят мухи
Их живая зелень
Переливаясь на тугих мешках
Защечин и фасеток сладкий выпот
Испьет
Тогда последний поцелуй
К тебе протянется
Живая благодарность
За осторожность матери твоей.
Ну а пока
Две-три букашки вверх
Еще ползут
Инейные узоры
Отпотевают утром
Лук горчит
На огороде тужится капуста
И яд грибной переполняет лес
Осенний ледостав еще не начат
Озимые еще не поднялись
Среди зимы — что значат в нас надежды.
Осеннее предместье. Сестрорецк.

Евгений Рухин – художник, известный в семидесятых у нас (неофициально) и на Западе. Представитель того, что называлось Новый Русский Авангард. Участник очень многих выставок. Картины – разновидность концептуализма: холст, наклеенные детали, доски от ящиков, обломки мебели, краска, надписи. Словом, это уже где-то, кто-то... Настоящего, природного дара не просматривалось, но была большая культура, в отличие от остального этого племени. Было умение организовать свой успех и все данные для этого: эффектная внешность – очень высокий, изящный, борода, волосы. Воспитание, образование, манеры – художники-то в основном мужички. Происхождение, квартира на Дворцовой набережной. Желанное знакомство для иностранцев самого лучшего разбора. Они же, бедные, у нас очень скучали, особенно в Питере. За это им (жена Галя, четверо детей, сестра жены поэтесса Света Цхварадзе, Карина подруга) доставалось, что положено: угрозы, битье стекол. С Кари их связывали – или разъединяли – в то время прохладно-печальные отношения (правда, я знаю только о ней)

Последних встреч незаренность

моя печальная склоненность

твоя внимательная даль

молчание вино и горе

моление вина и вскоре

разлуки сталь. Стена и сталь.

Воспоминание очень близкой дружбы в отрочестве, может быть, в студенческие годы. Она иногда, рассказывая, называла его молочным братом, себя – невестой. Было церемонное аристократическое ухаживание. Любви не было никогда. Потом – легкая досада и разочарование. Пути разошлись. Кари оценивала его (как и всех) без иллюзий.

Породистый плебей, такой красивый

борец и трус, интеллигент и вор

но никогда не закрывала для него сердца (как и для всех).

И вдруг дикая, фантастическая гибель...

Люди, конечно, гибли. Кому-то проломили голову в подъезде. Кто-то выпил не то. Кого-то застрелил инкассатор – было и такое. Вовсе не обязательно это толковалось однозначно. Но чтобы так, в дыму и пламени... Как в опере.

Рухин ночевал в чердачной мастерской у приятеля-художника. Были: хозяин, еще один художник, чья-то из них жена и Рухин. Спали хозяин и друг в первой комнате, а Рухин и жена в дальней. Когда загорелось,

эти двое легко выбрались, а те, видимо, задохнулись, не просыпаясь. Мастерская же, краски, подрамники, растворители – есть чему гореть. Говорили, что двое спасенных долго слонялись во дворе среди пожарных и милиции, но никому не сказали, что там были еще два человека. Впрочем, могли быть в шоке. Это бывает.

Кари этого не смогла пережить – буквально. Она видела сны, сны возвращались. Менялись образы, картинки, но оставался назойливый сюжет: падаль, мертвечина, трупы в какой-то сладкой испарине, ее слизывают мухи или псы. И странное полудуховное существо, личность того, кто ушел, но не имеет сил отойти: уже невесомый, но летать не может. Он что-то хочет объяснить, она что-то должна сделать, не понимает, он досадует (тайно), но сам как-то для покойника недостойно легкомыслен, даже весел. Три покойничка пьют грелое сакэ на крыше...

Сразу, по еще не остывшему, она написала «Новый лирический Цикл». Через год – «Покинутые своды». В 79 – «Минувших дней опальная чреда». А там уже, рукой подать –

Изба, где ворон складывает крылья...

Некоторые комментарии.

Вороны, упомянутые в первом стихотворении – образ из символического сна. Кари поднимается по горной тропе (куда-то чуть не в Лхассу). Встречает странную женщину с корзиной. Разговаривают. Женщина открывает корзину – там вороны, помятые, больные какие-то, неприятные. Кари одну за другой выпускает их, они летят, как падают, вниз. Женщина осуждает взглядом. Потом, в другой уже части сна, у склона горы, внизу, на автобусной остановке – взъерошенная компания подростков, бестолково агрессивных, опасных. Это они и есть. Последствия ненужного поступка. Вообще вороны очень ее интересовали, их общественные повадки. Не оторвешься смотреть, как они подначивают друг друга, кошек, собак, вечно выясняют отношения. Птицы опасные и безжалостные.

«Когда взметет» – «Но как оставил вдов...». С двумя из них Кари очень дружила. С Галей Рухиной, собственно вдовой, и ее сестрой, очень интересной грузинкой, поэтессой, переводчицей Светой Цхварадзе. Все они сейчас за границей.

«Кличут черные вехи...». Жуткий образ воробышков, которых бросают в печь горстью и они вылетают оттуда живыми огонечками. Изобретение Юры Тараканова, несколько Достоевского субъекта. Тоже уехал.

Этот яркий клубок
Шар игрушек идей и друзей
Горизонт повернулся открылся до самого рая
Ты дружок
Отпустил лебедей
И они пронеслись над купелью крича и играя
Ну а мне
Только руки твои на краю
Где-то горько плеснули на тысячу весен
О прощай
Не забуду могилку твою
Не забуду могилы твои среди тысячи сосен
Горицвет
Распустился зацвел и отцвел
Раскричались вороны запутались синие галки
Алый шар
Красный шар опустился в костер
Загорелись замкнулись за ним одичалые палки
Догорайте вороны дымись и разбейся и тлей
Птичий клей для судьбы не годится надолго не хватит
На горе завивает хвосты ослепительный змей
Под горой собирает ехидна зловещие рати
Пей забвенье душа только лунную ночь не забудь
Только дочь подними разомни разноцветные муки
Только горлышко всклянй опрокинь у заветной груди
Только стрелы дорог положи у заветной разлуки
Не щади ты меня
Ради Бога меня не щади.

Кличут черные вежи истыканы клювом дороги
Провели золотую черту неслиянные сны
Если ты
Начерпала войны и тревоги
Это значит
Горят за тобою мосты
Любо любо ах любо стоять на погосте
Что за стынь за покой за простор за ответ за беда
Возвращайся скорей, возвращайся-ка милая осень
Золоти поскорей купола возвращайся сюда
Воробьи вылетая из печки таково огонечками машут
Таково-то летают красиво таково загораются влет
Что же нам почерневшим от трудных негативных пашен
Что же нам не дается такой ослепительный взлет
Самолет воздымается выше и выше и выше
Все нам легче прощаться руками махать веселей
Все нам легче глядеть на пробитые жалкие крыши
Все нам легче снимать сладких уст медовуху и клей
И пока по садам и дорогам полощется осень
Полотенцем мы примем холодный и яблочный Спас
Вон уходит цыганка.
Никого мы в дороге не спросим
Никого мы не спросим ни о чем ожидающем нас.

Клади сюда
Не бойся, не блестит
Щелчок закрылся щелочка зажалась
Еще подводит иногда нога
И зуб на губы шелестит слюною
Ну мертв вполне.
Конечно я не врач
Но врут врачи.
Раскапывают много
Кто знают те молчат
Наука сокращает
Нам опыты быстротекущей жизни
Науку географией зовут
А нам биограф больше интересен

Ну положил? Опять забыл изюм
В кутю заправить воробы склюют
А ворогам мы не дадим салату
А творогом завернутым в блины
Накормим бабушку.
Куды как любопытна
Все тянется. Не урони свечу
Бабуся, эй! Ты не туды залезла
Болезная, раздавят ведь поди
Полы вот лучше в доме у вдовицы
Замой как следует. Там правда ничего
Все угольки, а липкое отстало
И высохло цветное. На прямом
Нашиты метки, прачешна дымит
Проходят инвалиды по дороге

НОВЫЙ ЛИРИЧЕСКИЙ ЦИКЛ входит в четвертую книгу сочинений Кари, которая фактически вторая. Поскольку первая книга, юношеские стихи, потерялась. Было, наверно, три экземпляра, м.б. четыре, переплетенных в большие книги. А третья книга – это ПЕСНИ КРИШНАМУРТИ. Она цела, но ее надо читать отдельно.

Вторая-четвертая книга (1976 – 1978гг.) называется МИЛОСЕРДИЕ, по имени последнего цикла. Она вообще состоит из отдельных циклов, Кари все больше работала в крупных формах.

Начинается книга с большой поэмы ПИСЬМА ТОМАСА МАННА. Не помню, но думаю, это написано еще до смерти Рухина.

Затем Новый лирический цикл.

Дальше следует цикл ОКЕАН. В него вошли стихи за большой период, разные, с явными признаками попыток коллективного творчества.

Потом АВТОБИОГРАФИЯ, блестящий образец прозы, который несомненно доказывает, что Кари была не только лучшим поэтом, но и лучшим прозаиком нашего времени. В книге помещена часть Автобиографии, еще часть напечатана в журнале «Столица».

ПРОСТЫЕ СТИХИ по смыслу примыкают к Лирическому Циклу и помещены в этой книжке.

О том же (о той же утрате) ПОКИНУТЫЕ СВОДЫ. Помню, Кари прислала эти стихи мне в экспедицию, в Ростовскую обл., мы там копали курганы.

Последний цикл, МИЛОСЕРДИЕ, Кари написала летом в Молдавии либо по впечатлениям этого лета немного позже.

ПРОСТЫЕ СТИХИ

I.

В сердцах других оборвалось
В твоём замаялось сначала
Потом толкнулось понеслось
Ушло вернулось и промчало
Прошло грозой - и - сорвалось.
Не удалось который раз
Который раз как-будто, мимо
Как-будто верно - все же мнимо
Не в срок. В строку не собралось
Проникни имя Пустоты
Там круто вдаль уходит Слово
Так безымянно как и ново
Горящий Отрок Высоты.

2

О камень голый исподлобья
Гляжу и вот - доходит звук
Но это внутренний испуг
Леса, покинут мною друг
Коса звенит у изголовья
На камень бешено смотрю
Но это только струны света
Письмо. Серебрянное лето
И ты. С тобой я говорю
На камень я смотрю и вот
Смотрю я в камень. Облак тот
Что в небе реет гром и птица
Что где-то в памяти гнездится
Все камень видит
Узнает.

3.

Клади сюда. За этот звук
Я все отдам - не только лодку
Обол во рту пошел на водку
В душе - стремительный испуг
И в этот миг который раз
Как некий маг что между глаз
Еще несет тепла зачаток
На темени - крутой початок
И в темени приемлет нас
Но нет, не говори ворона
Не каркай хрипая Харона
Удилище, суставы век
И брюха погнутые кольца
Торчат как маленькие шильца
Вдоль истлевающих прорех
И это он? И смех и грех
Однако вот - гони монету
А я сяду и поеду
Я поеду в Ленинград
Покупать себе наряд
Красный желтый голубой
Выбирай себе любой.

1977г.

Осенью прошлого года посетители художественных галерей получили возможность познакомиться с работами ленинградского художника Рухина, чьи картины впервые экспонировались в Соединенных Штатах. Всего было выставлено около сорока работ, которые можно было увидеть в Музее Северной Каролины в Рали и в галерее Филлипса в Вашингтоне. «В своих работах Рухин исходит из предпосылки, характерной для середины XX века, — писал в журнале «Ньюсуик» искусствовед Дуглас Дэвис: — в картине главное форма, а не сюжет. И делает это Рухин с фантастической энергией. Его поверхности полны действия. День за днем Рухин накладывает все новые слои синтетической темперы, пока не добивается желаемого эффекта. Тогда он яростно мастихином и кистью покрывает холст масляной краской и лаком. Его полотна пропитаны русским мистицизмом и символикой».

Е. Рухин 74

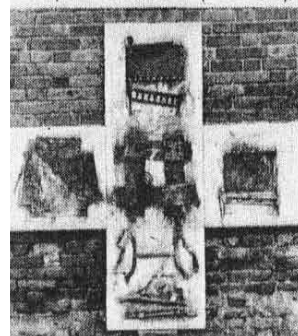
ВЫСТАВКА РУХИНА

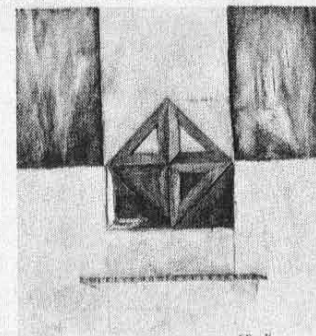
22.XI.63

Рухин

«Смерть Кеннеди» (1964-66), масло, коллаж, 85 x 65 см.

Без названия (1972), масло, полимерная краска, лак, коллаж 210 x 200 см.

Без названия (1971), масло, полимерная краска, коллаж, 99 x 93 см.

Ждите новый выпуск!
“СЦЕНАРИЙ”! Книга-мистификация!
В двух частях! Скоро!